

Почему Иисус рассказывает о сеятеле, винограду, сокровище и рыбаках — вместо того чтобы просто сказать, что именно хочет донести? За простыми сюжетами притч скрывается удивительно глубокий способ разговора Бога с человеком. Разбираемся вместе с о. Иезекиилем Айялой IVE: какие тайны Царствия раскрываются в притчах — и что они помогают увидеть в нас самих.

Притча как откровение и сокрытие

*Материал подготовил о. Иезекииль Айяла IVE
на основе книги о. Карлоса Перейры ВС*

1. Введение

Использование притчи в известной степени естественно для человека, который говорит, пишет и, наконец, мыслит образами. Притча и образ существуют в одной плоскости: конкретное помогает человеку увидеть и понять то, что само по себе может оказаться слишком абстрактным или труднодоступным.

Греки определяли притчу как сопоставление труднодоступной мысли с конкретной аналогией, которая позволяет прояснить и осветить абстрактную идею.

Искусство притчи состоит в том, чтобы одновременно скрывать и раскрывать её конечный смысл. Рассказ как бы прикрывает свою цель, но вместе с тем оставляет читателю или слушателю возможность эту цель обнаружить.

Если сравнение и его смысл остаются недоступными, образ превращается в загадку. Так происходит, например, в загадке Самсона: *«Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое»* (Суд 14, 14).

Но если ключ к сравнению найден, через образ раскрывается более глубокое учение. Так, Нафан рассказывает Давиду притчу, после чего объясняет её смысл, обличая царя в совершённом грехе (2 Цар 12, 1-15).

Различие между притчей и аллегорией

Здесь важно различать притчу и аллегорию.

Притча обычно строится вокруг одной основной точки сравнения. Таковы, например, притчи о пшенице и плевелах, о сеятеле и семени, о десяти девах. Не всякая деталь в них обязательно имеет самостоятельное символическое значение: некоторые детали помогают создать повествование, сделать его живым и убедительным.

В аллегории, как правило, всё иначе: каждый существенный элемент повествования имеет определённое символическое значение. В качестве примера можно привести образ виноградной лозы и ветвей в Ин 15, где различные элементы образа последовательно соотносятся с духовной реальностью.

Сам Бог использует образы в Своем откровении. Пророкам Он нередко открывает Свою волю через видения. Например, Амосу Господь показывает корзину со спелыми плодами: *«Такое видение открыл мне Господь Бог: вот корзина со спелыми плодами. И сказал Он: что ты видишь, Амос? Я ответил: корзину со спелыми плодами»* (Ам 8, 1-2). В других случаях пророческим знаком становится конкретное действие, совершаемое самим пророком. Такие действия можно назвать «притчами в действии». Так, Господь повелевает Осии взять в жёны женщину блудницу и назвать детей определёнными именами; через это пророческое действие Израилю сообщается духовная реальность (Ос 1, 2 — 2, 3).

Историческая основа притч Иисуса также представляется весьма прочной. Даже экзегет Иоахим Иеремия, который критически относился к историчности многих евангельских текстов, пишет о притчах Иисуса:

«Те, кто изучает притчи Иисуса в том виде, в каком мы получили их из первых трёх Евангелий, **работают на прочной исторической основе**; притчи — это фрагмент первобытного камня традиции (...) его образы запечатлеваются в памяти более прочно, чем абстрактные предметы. (...) [Притчи Иисуса] хорошо и верно отражают его Благоую Весть, эсхатологический характер его проповеди, серьёзность его призыва к покаянию, его противодействие несправедливости и фарисейству. И за греческим текстом мы можем увидеть проблеск родного языка Иисуса» [Ср. J. Jeremias, *Las parábolas de Jesús, Verbo Divino, Estella, 1974, p.13*].

Притчи Иисуса укоренены не только в повседневном опыте человека, но и в конкретной исторической и культурной среде Палестины. Поэтому их образы часто непосредственно связаны с жизнью людей того времени. Такова, например, притча о сеятеле: её образы понятны прежде всего тому, кто знаком с земледелием и условиями жизни Палестины.

Притчи Иисуса отличаются особой концентрацией, ясностью и своеобразием формы. Хотя образные рассказы существовали и в иудейской традиции, дошедший до нас корпус ранней раввинской литературы значительно позже фиксирует широкое употребление притч. Из более ранних текстов известны лишь два образных сравнения, приписываемых раввину Гиллелю (около 20 г. до н. э.): сравнение тела со статуей и души с гостем.

Полноценная притча появляется в раввинской традиции лишь позднее — например, в преданиях о раввине Йоханане бен Заккае. Это позволяет предположить, что форма притч,

получившая столь широкое распространение в учении Иисуса, оказала влияние и на дальнейшее развитие раввинской литературы*.

По сравнению с образами, которыми пользуется апостол Павел в своих посланиях, и образами раввинской традиции, в притчах Иисуса особенно заметны простота, ясность и своеобразное мастерство построения. Эти особенности свидетельствуют о силе и авторитете Того, Кто их произносит. Ср. Мф 7, 29: *«Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи»*.

2. Языковой и культурный контекст притч

Влияние палестинской культуры особенно ясно проявляется в образах евангельских притч.

Например, в Мк 4, 3-8, в притче о сеятеле, современному читателю может показаться странным, насколько беспорядочно сеятель бросает семя: часть его падает «при дороге», часть — на каменистое место, часть — в тернии. Однако особенности земледелия Палестины помогают понять этот образ.

По некоторым реконструкциям, в ряде районов Палестины семя могли высевать до вспашки. Сеятель шёл по ещё не обработанному полю и разбрасывал семя, после чего землю вспахивали. Поэтому семена могли попасть на участок возле дороги, на каменистую почву или в терние — всё это затем должно было быть захвачено последующей обработкой земли. Кроме того, значительная часть палестинской почвы покрыта известняком, нередко тонким слоем земли. Для слушателей Иисуса такой образ был вполне понятен и реалистичен.

В притчах можно обнаружить и языковые особенности, которые позволяют предполагать семитский языковой фон евангельского текста и возможное влияние арамейской речи Иисуса. Например, в греческом тексте встречаются случаи употребления определённого артикля там, где по смыслу ожидалась бы неопределённость. Возможно, это связано с особенностями семитского способа выражения мысли, в котором конкретный образ нередко важнее абстрактного понятия.

Именно поэтому образы евангельских притч отличаются такой пластичностью и живостью. Они не просто сообщают мысль, а позволяют увидеть её. Так, в Мк 4, 4 семя падает «при дороге», а затем прилетают птицы и съедают его. Перед слушателем возникает не отвлечённое понятие, а почти зримая сцена.

3. Притчи в 13-й главе Евангелия от Матфея

Это очень красивая, поэтичная и насыщенная притчами глава отличается удивительно точной симметрией. Композицию главы можно рассматривать как семь притчевых эпизодов:

1. **Сеятель:** Мф 13, 3-8; объяснение — Мф 13, 18-23.
2. **Доброе семя и плевелы:** Мф 13, 24-30; объяснение — Мф 13, 36-43.
3. **Горчичное зерно:** Мф 13, 31-32.
4. **Закваска:** Мф 13, 33; Затем, уже в доме, Иисус объясняет ученикам притчу о плевелах — Мф 13, 36-43.
5. **Сокровище, скрытое в поле:** Мф 13, 44.
6. **Драгоценная жемчужина:** Мф 13, 45-46.
7. **Невод, закинутый в море:** Мф 13, 47-50; объяснение — Мф 13, 49-50.

Такое построение имеет важное историческое и композиционное значение. Глава начинается притчей о сеятеле, символизирующей провозглашение Слова, и заканчивается притчей о неводе, которая указывает на окончательное разделение людей. Сам порядок притч, по-видимому, имеет важное значение для композиции Евангелия от Матфея. Кроме того, он способствует запоминанию — важнейшему условию передачи традиции в устной культуре.

Можно заметить и своеобразное движение в пространстве. Притчи словно ведут слушателя «по пути»: от открытого пространства вокруг Капернаума — к городу, дому и, наконец, к морю.

1. Сеятель.

Можно предположить, что действие притчи происходит в окрестностях Капернаума, на склоне холма, который соединяется с Горой Блаженств. Особенности местности помогают увидеть реалистичность образов притчи: участки каменистой почвы, тонкий слой земли, тернии и плодородная почва могли находиться совсем рядом друг с другом.

2. Доброе семя и плевелы.

Можно представить пейзаж у входа в Капернаум. Образ различных трав, среди которых встречались и полезные, и негодные для употребления, был вполне знаком слушателям Иисуса.

3. Горчичное зерно.

Эта притча естественно вписывается в повседневную жизнь жителей Капернаума: горчицу можно было выращивать на приусадебных участках и в садах возле домов.

4. Закваска.

Мф 13, 33. Здесь действие переносится в домашнюю обстановку: женщина берёт закваску и кладёт её в три меры муки, пока всё не вскиснет. После этого следуют слова евангелиста о том, что Иисус говорил притчами и затем объяснял их значение (Мф 13, 34-43).

5. Сокровище, скрытое в поле.

Мф 13, 44. Образ спрятанного в земле сокровища был вполне понятен жителям древней Палестины, где хранение ценностей в земле было одним из способов их сохранить.

6. Драгоценная жемчужина.

Мф 13, 45-46. Можно представить человека, занятого торговлей драгоценностями. Для жителей Капернаума подобный образ был вполне естественным: город находился на важном торговом пути и был связан с пограничным постом, где служил Левий Матфей.

7. Невод, закинутый в море.

Мф 13, 47-50. Действие происходит на берегу озера, где слушатели могли наблюдать знакомую им работу рыбаков: сети вытаскивали на берег, перебирали улов, негодную рыбу выбрасывали, а пригодную складывали.

Есть ещё одна важная особенность композиции. Объяснение получает первая, четвёртая и седьмая притчи — то есть начало, середина и конец всей серии. Такая структура создаёт внутренний каркас из семи частей и облегчает запоминание материала в устной традиции.

После седьмой притчи Иисус спрашивает учеников, поняли ли они всё сказанное (Мф 13, 51). Затем Он приводит ещё один образ: *«Всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровища своего новое и старое»* (Мф 13, 52). Эти слова можно воспринимать как своеобразный ключ к чтению всех притч: тот, кто действительно понял тайну Царства, способен увидеть в сокровищнице Божьего откровения и старое, и новое.

4. Притча о виноградарях (Мк 12, 1-12 и параллельные места)

а) Контекст

В Евангелии от Марка эта притча следует за торжественным входом Иисуса в Иерусалим и пророческим жестом в храме (Мк 11, 15-17), которым Он обличает превращение дома Божия в «вертеп разбойников»: *«Не написано ли: дом Мой домом молитвы наречётся для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников»* (Мк 11, 17).

В следующем же эпизоде (Мк 11, 27-33) напряжение между Иисусом и представителями религиозного руководства народа — первосвященниками, книжниками и старейшинами — достигает особой остроты.

Притчей о виноградарях (Мк 12, 1-11) Иисус продолжает отвечать на вопрос о Своей власти и одновременно предвосхищает развязку противостояния с теми, кто отвергает Его. Реакция слушателей показывает, что смысл притчи был ими понят: они «поняли, что о них сказал притчу» (Мк 12, 12) *«И старались схватить Его, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу; и, оставив Его, отошли»* (Мк 12, 12).

Вопрос о мессианском достоинстве Иисус продолжает в дальнейшем, обращаясь к Пс 109 (Мк 12, 35-37), а окончательно заявляет о Себе перед Синедрионом (Мк 14, 62 и параллельные места).

В Евангелии от Матфея (Мф 21, 33-46) притча имеет некоторые изменения. В первой части увеличивается число посланных слуг: виноградары хватают одного, другого убивают, третьего побивают камнями (Мф 21, 35). Затем посылаются другие слуги, которых виноградары подвергают тому же обращению. После этого владелец посылает своего сына.

Матфей подчёркивает и другую деталь: виноградары сначала *«выгнали его из виноградника»*, а затем убили (Мф 21, 39). Кроме того, Иисус заставляет самих слушателей вынести приговор виноградарям (Мф 21, 40-41), после чего прямо объясняет смысл притчи: *«Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его»* (Мф 21, 43).

В Евангелии от Луки (Лк 20, 9-19) начало притчи более сдержанно. Хозяин последовательно посылает трёх слуг, чтобы получить плоды виноградника. Все трое подвергаются жестокому обращению, но убит оказывается только последний посланный — сын. В Лк 20, 17-18 к цитате из Пс 117 добавляется размышление о камне, отвергнутом строителями: *«Что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?»* (Лк 20, 17; ср. Пс 117, 22).

У Луки есть и другие особенности. Хозяин надолго удаляется (Лк 20, 9); решение послать сына принадлежит самому хозяину (Лк 20, 13); виноградары, увидев сына, обсуждают между собой, что с ним сделать (Лк 20, 14). Когда Иисус заканчивает притчу, слушатели с ужасом реагируют: *«Да не будет!»* (Лк 20, 16). После этого Иисус вновь обращается к ним и говорит о камне, отвергнутом строителями (Лк 20, 17).

б) Объяснение некоторых элементов**Мк 12, 1: «И начал говорить им притчами...»**

Евангелие только что рассказало нам, что Иисус отказался дать прямой ответ на вопрос о Своей власти (Мк 11, 33: *«И Я не скажу вам, какою властью это делаю»*). Перед Ним стояли «первосвященники, книжники и старейшины» — та же группа, которая не смогла ответить на вопрос о происхождении миссии Иоанна: *«от людей ли он пришёл или от Бога?»* (ср. Мк 11, 27-33).

Однако Иисус не завершает этот разговор. Он продолжает его другим способом — через притчу. Поэтому выражение *«начал говорить им притчами»* не обязательно означает, что вслед за этим должно прозвучать множество притч; скорее, речь идёт о переходе к иному способу общения.

Что это значит?

В Мк 4, 11 Иисус говорит ученикам: *«Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним всё бывает в притчах»*. А в Мк 8, 32 сказано, что Он начал говорить о Своих Страстях **«открыто»**. Использованное здесь слово — **παρρησία (парресия)** — означает открытость и прямоту речи, смелое и свободное высказывание. Особенно важно оно в контексте, где Иисус начинает открыто говорить ученикам о Своих страданиях и смерти.

Но что тогда означает фраза о «внешних»?

В Мк 4, 12 мы читаем: *«Так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи»*. На первый взгляд может показаться, что притчи предназначены для того, чтобы скрыть тайну Царства Божия от тех, кто находится «вне». Отсюда возникло толкование, согласно которому притчи становятся своеобразной завесой, скрывающей тайну Царства от «внешних». Такое понимание нередко называют *«теорией ожесточения»*. Однако оно сталкивается с очевидной трудностью: получается, что Иисус говорит притчами для того, чтобы некоторые не поняли, не обратились и не получили прощения.

Между тем весь контекст проповеди Иисуса говорит о призыве к обращению и вере. Катехизис Католической Церкви также подчёркивает двойственный характер притч: для тех, кто остаётся «вне», их смысл может оставаться загадочным, но сами притчи призывают человека войти в Царство и стать учеником Христа (ККЦ 546).

Чтобы разобраться в этой трудности, прежде всего нужно заметить, что Мк 4, 12 восходит к Ис 6, 9-10:

«Пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их».

Однако евангелист Марк цитирует этот текст не буквально. Его формулировка заметно отличается и от еврейского текста, и от Септуагинты. Некоторые исследователи обращали внимание на сходство с арамейской таргумной традицией и, в частности, с Таргумом Неофити**. Иоахим Иеремия подробно обсуждает это соответствие и видит в нём возможный след арамейской языковой среды притч Иисуса.

Но даже если учитывать эту параллель, не стоит превращать её в однозначное доказательство того, что смысл евангельского текста следует менять в соответствии с Таргумом. Важнее другое: уже у Исаии проблема находится не в закрытости Божьего откровения, а в **состоянии самого человека** — в огрубевшем сердце, которое не хочет слышать и видеть.

Поэтому слова Мк 4, 12 можно понимать **в контексте всей проповеди Иисуса так: притча становится загадкой для того, кто остаётся закрытым, но для того, кто действительно слушает и стремится понять, она открывает тайну Царства**. Иными словами, одна и та же притча может одновременно **скрывать и открывать**: она не отнимает возможность понять, но требует от слушателя внутреннего ответа.

Об этом говорит и следующий стих. Иисус обращается к ученикам: *«Не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи?»* (Мк 4, 13). Значит, проблема не в том, что

смысл принципиально недоступен, а в том, что его нужно принять, осмыслить и соотнести со своей жизнью.

Мк 4, 11: «Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним всё бывает в притчах»

Особого внимания заслуживает противопоставление «тайны» и «притч». В греческом тексте используются слова **μυστήριον (мистерион)** — «тайна» и **παραβολή (параболё)** — «притча». Они не являются синонимами, поэтому буквальное отождествление одного с другим было бы неоправданным.

Однако сама структура высказывания позволяет понять общую мысль: ученикам дано **знать тайну Царства**, тогда как для «внешних» эта тайна остаётся скрытой в образной форме притчи. Именно такой подход соответствует и объяснению Катехизиса: для тех, кто остаётся «вне», притчи остаются загадочными, тогда как ученик Христа входит в них глубже и узнаёт через них тайну Царства.

Мк 12, 1: «Он посадил виноградник... и отправился в путешествие»

Чтобы лучше понять начало притчи о виноградарях, важно учитывать социальную и экономическую реальность Галилеи I века. Земельные владения нередко находились во владении крупных собственников, которые могли жить далеко от своих участков, а управление землёй передавали арендаторам. Сам образ виноградаря и арендаторов поэтому был вполне понятен слушателям Иисуса. Подобная система землепользования известна для Галилеи I века.

У Марка сказано, что хозяин *«отправился в путешествие»* (Мк 12, 1; греч. ἀπεδήμησεν). Это подчёркивает его отсутствие и одновременно объясняет, почему виноградары оказываются предоставлены самим себе.

Дальнейшее развитие притчи строится на их всё более открытом противостоянии хозяину. Слуги, которых он посылает получить плоды, один за другим подвергаются насилию. Наконец хозяин посылает сына, надеясь, что к нему виноградары отнесутся иначе: *«Почтут сына моего»* (Мк 12, 6).

В словах виноградарей о сыне — *«это наследник; пойдём, убьём его, и наследство будет наше»* (Мк 12, 7) — заключён мотив захвата наследства. Возможно, здесь отражены реальные представления о праве на землю и споры о наследовании, однако конкретную юридическую схему, согласно которой убийство наследника автоматически делало владение бесхозным, нельзя считать установленным историческим фактом. В притче этот мотив прежде всего подчёркивает сознательный выбор виноградарей: они знают, кто перед ними, и именно поэтому решают отвергнуть его.

Мк 12, 6: «Сына возлюбленного»

Особенно важны слова: **«одного сына, возлюбленного»** (τὸν ἀγαπητόν). Слово ἀγαπητός означает «возлюбленный», «дорогой» и в библейском языке может иметь оттенок единственности и особого избрания. Оно созвучно языку рассказа о жертвоприношении Исаака в Быт 22, 2: *«сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь»*. Тем самым в словах Марка можно увидеть возможный отзвук истории Исаака и одновременно особый намёк на уникальное положение Сына.

Но для христианского читателя значение этого образа становится ещё очевиднее в контексте всего Евангелия. Уже в Мк 1, 11 и Мк 9, 7 Иисус назван возлюбленным Сыном. Поэтому в притче образ сына неизбежно отсылает к Самому Христу.

Евангелист завершает рассказ указанием на реакцию религиозных руководителей: *«И старались схватить Его, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу»* (Мк

12, 12). Таким образом, притча не скрывает от них её смысла. Напротив, они **понимают**, что рассказ обращён непосредственно к ним. Но понимание ещё не означает принятия истины: они распознают обвинение, однако не обращаются.

* О своеобразии метода Иисуса и особой роли притч в Его учительстве свидетельствует также ККЦ 546: *«Призывая войти в Царство Небесное, Иисус прибегает к притчам, и это характерная черта Его учительства. Притчами Он зовёт на пир Царства Небесного, но в то же время предлагает сделать коренной выбор (...) слова недостаточны — нужны деяния. Для тех, “внешних”, всё остаётся загадочным».*

** *Таргумы* — это древние переводы книг Ветхого Завета (Танаха) на арамейский язык. *Таргум Неофити* (или Кодекс Неофити 1) — это самый полный из сохранившихся древних палестинских (западных) таргумов Пятикнижия на арамейском языке. Он представляет огромную научную ценность, так как содержит уникальные ранние традиции толкования Торы и литургической проповеди.